

Алексей Буренин

Апостат

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Буренин

Апостат

<https://litres.ru/74366613>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть о молодом сотруднике рыбного завода, которому выпадает шанс обрести истинную свободу.

На что можно пойти ради чемодана, набитого деньгами?

Что таится в самых темных уголках человеческой души?

И как ответить взбунтовавшейся совести?

Алексей Буренин

Апостат

Головная боль, беспощадно молотящая мои мозги, силой приводит меня в сознание. Потерянный во времени и пространстве, неспешными поворотами головы оглядываюсь из стороны в сторону.

Небольшая комната с тремя двуспальными кроватями, замызганные стены и окна со ставнями времен царской России. В воздухе веет смрадный запах потных носков и душащая горло вонь рыбы, вьевшаяся во все предметы и вещи в этой старой комнате.

— Вот черт, точно...

Понемногу начинаю вспоминать, где я.

— Чертов рыбный завод в чертовой, забытой Богом деревне на самом краю бескрайней России.

В комнате никого, стало быть, все при работе, вот только почему я не при делах, да с ощущением сотрясения мозга — оставалось непонятно.

Помню, как ел кашу — Господи, такую только свиньям давать, дабы откормить для убоя перед полугодовой зимой в этих суровых краях.

На календаре — двадцать пятое июня две тысячи шестого года, а в окне — серость с накрывающей все вокруг моросью.

Никогда не испытывал подобного чувства. Не вспомнив,

как оказался в постели, находился в изнуряющем страхе еще какое-то время.

В комнату врывается Ваня.

— Очнулся? — с улыбкой произносит он

— Черт возьми, Ваня, что за дерьмо со мной произошло?

— Да ты ни с того, ни с сего в обморок упал, во время перекура от работы, несколько часов назад. Напугал!

— Вот же дела, как это случилось?

— Да как? стоял и молча принял горизонтальное положение, а мы тебя вчетвером сюда и притащили.

Мне стало немного легче, тело перестало быть скованным. Медленно выдыхаю, медленно вдыхаю.

— Как ты себя чувствуешь, Мотя? — все так же улыбаясь, говорит Ваня.

— Голова вот-вот треснет, воды бы

— Ага, сейчас.

Ваня помчался за водой. Мы подружились пару месяцев назад, когда прилетели к берегу Охотского моря на сезонную работу по переработке рыбы, в деревню под названием Сор-ка.

Ваня вернулся скоро, словно местный ветер. Принес мне воды и таблетку, которая должна унять мою головную боль.

— На вот, Мотя, выпей эту таблетку, должна помочь. И вот еще полотенце мокрое, лицо оботри свое, а то ты им пизданулся прямо в грязь, — посмеиваясь трещал мой новоиспеченный друг.

— Спасибо, старина.

— Да что тут. Ты поправляйся скорей, а то без тебя продуктивность наша резко упала.

— Как это? — резко возмутился я, ясно помня, что наш доход зависит исключительно от того, сколько рыбы мы отправим на большую землю.

— Твое место на конвейере занял тот пьянчуга без пальцев на ноге. Ни скорости, ни координации ему не хватает забивать брикеты в холодильник, а ставить его еще куда-то — совсем на погибель, этот хмырь даже лопатой головы не мог закидывать в дробилку, — уже явно недовольный и раздраженный Ваня чуть-ли не вскрикивая объясняет мне расклад дел.

— И вот еще что: бригадир наш передал, что ты можешь день-другой отдохнуть. А мне пора

— Ладно, старина

Проводив его взглядом, начинаю вытирать лицо. Медленно, но верно встаю. Стало немного легче от таблетки моего доброго товарища. Смотрю в зеркало: синяки под глазами да кожа бледная. Работенка в купе с едой местной заводской столовой кого хочешь приведут к виду истощенного человека.

Вздыхаю и медленным шагом возвращаюсь на свою койку. Раз бригадир наш дал добро на выходной, надо воспользоваться этим и отоспаться, словно медведь в зимнюю спячку. Закрываю глаза под шум бьющей мороси о стены нашего

общезития и славно засыпаю.

Снится сон теплый, правильный: в церкви я; на паника-
дило падает широкий луч света, который отражается прямо
в меня, греет и обнимает; Божественный свет, теплый свет,
в киотах образы святых, они вглядываются в меня по доб-
рому, по родному; стены, своды, купола расписаны фреска-
ми, мой взор устремлен на них, счастливо мне, хорошо мне;
доносится голос Богослужителя - Матвей, ты один из самых
славных наших сынов, помни всегда вот что: Ибо если вы
будете прощать людям согрешения их, то простит и вам отец
наш небесный.

Кастелянша будит меня

— Доброе утро красавчик, выспался? Тебе надо поесть,
ты проспал целые сутки. Столовая закрыта уже, но я тебе
принесла еды, глянь-ка.

Смотрю на тарелку — черт возьми, выглядит аппетитно!

Кастелянше нашей, Елене Степановне, я давно нравлюсь,
все твердит без умолку мол: красавец, красавец. Вот толь-
ко между нами два с половиной десятилетия разницы в воз-
расте. Накануне моего “падения в грязь лицом” ей исполни-
лось пятьдесят лет.

— Спасибо, Степановна, — улыбаясь во весь рот, говорю
я.

— А то! Почитательница моя принесла картошки отвар-

ной и две сардельки, такого счастья тут я не видел ни разу. Вся еда пахла просто восхитительно. Мне не верилось, что это из нашей столовой; был уверен, что она сама ее приготовила, а сознаваться не хотела.

— Не за что, дорогой, — ласково отвечает она. — Поправляйся, к морю сходи, вдохни свежего воздуха. И ты не поверишь: сегодня солнечно! Думаю, тебе это будет полезно. В общем, до скорого, красавчик.

Улыбаясь во весь рот, Елена Степановна ушла. Работы у нее невпроворот: на заводе трудится сто человек, вот и бдит она за делами хозяйскими с утра до глубокой ночи.

За завтраком обдумываю, как провести день. Надо бы по совету Степановны к берегу моря сходить. Есть в нем сила необъяснимая. Может, предаст мне настрой правильный на остаток нынешнего сезона.

Одевшись вдоль и поперек замызганную рабочую форму, сапоги и надев кепку пошел по одной из четырех улиц Сорки.

Деревня эта совсем небольшая, и с населением чуть больше тысячи человек расположилась на самом берегу Охотского моря. Окруженная бескрайней тайгой с трех сторон и с четвертой — морем, это место становится уединенным населенным пунктом на сотни километров вокруг. Добраться сюда возможно только морем и по воздуху. Люди в этих краях суровые, под стать местному климату.

Правда, в Сорке все как у всех: школа своя найдется и даже небольшая больница. И на страже порядка есть свой

участковый, и не сказать, чтобы, кроме его огорода, у него найдутся тут какие-то дела.

Правила здесь все же свои: правил дорожного движения вовсе нет, как и строгого распорядка дня. Местная продавщица Жанна закрыла магазин в два часа дня, так как полив ее овощей в саду не терпит отлагательств.

Иду, оглядываюсь: сопки кругом, красота. Навстречу едет на новом японском внедорожнике Аркадий Борисович — человек, перед которым у местных жителей присутствует трепет. Я даже думаю: в каком-то смысле он для них Иисус Христос. Без делового костюма, но со всей своей аурой победителя, и на меня он оставляет глубокое впечатление.

Все сто человек с завода, включая меня, работают на него. Этот человек пять лет тому назад построил это предприятие, которое с каждым годом благополучно делает его сказочно богатым. На фоне своего успеха Аркадий Борисович не стал скупым мужчиной средних лет, которого волнует лишь растущая цифра на его банковском счете. Тысячи тонн рыбы ежегодно, отправленной с его завода на большую землю сделали ему целое состояние. В своей роли он построил местным жителям: церковь, больницу и магазины продуктов, которые сам привозит кораблями идущими за его рыбой. Благодаря ему у многих местных появились рабочие места и человек, к которому можно прийти за помощью.

На завод поехал, дела налаживать.

Я к тому времени добираюсь до берега, застав прилив.

Усевшись на одном из бревен, которые приносит приливом, нахожу свой покой. Вот только в этот день в моей голове не было сладких мечтаний о прекрасном будущем. Та потеря сознания вернула меня к правде моего существования. Рубить рыбы головы, вынимать кишки и забивать ею морозильные камеры — это не то, к чему стремится человек от рождения. Прозябать на конвейерной ленте в ледяной воде по двенадцать часов в день со всеми слоями общества: от маргиналов и студентов до людей, не нашедших свой путь, но нашедших того, кто свой путь нашел, — это не то, о чем мечтает человек, будучи еще ребенком. Небольшое успокоение нахожу в мысли, что Аркадий Борисович со всей своей репутацией щедрого человека оценит наши труды для его предприятия и по заслугам оплатит наш труд в конце сезона.

Поток моих мыслей прерывает проходящая по берегу дама. С виду не похожую на местную, ухожена и одета в притягательный комбинезон, явно стоящий больше месячного дохода среднестатистического местного жителя. Этот комбинезон подчеркивает ее узкую талию и широкие бедра с классной задницей.

Не смотря на разницу в возрасте, я бы предположил, что ей около тридцати пяти, она возбудила все мое сознание. Только при виде ее я вспомнил, что уже на протяжении нескольких месяцев не ощущал теплое, мокрое сокровенное женское местечко.

Ее лицо выглядит наивным и легкомысленным, что наве-

ло меня на мысль о ее склонности подчиняться. Это возбудило меня еще сильнее. Наблюдая какое-то время за ней, невольно представляю, как с большим удовольствием доставил себе и ей физическое удовольствие. С каждой минутой все, что находится у меня между ног, возвышается и пульсирует все сильнее, вызывая дискомфорт.

Словно услышав мои мысли, она начинает двигаться в мою сторону — все ближе и ближе. Через несколько взволнованных секунд ее шаги подступают совсем близко. Проходя мимо, она бросает на меня взгляд, осматривает с ног до головы; я тем временем пытаюсь незаметно прикрыть выросший бугор у себя между ног. Она его замечает, и ее лицо обретает уверенную ухмылку с нотками одобрения. Я не смею заговорить, но ее взгляд заставил меня снова чувствовать себя привлекательным мужчиной в самом расцвете сил. Приняв достаточно глупый вид на смех чайкам, просидел до вечера, воображая ее без комбинезона в своей власти, в своих руках и на своем приборе. Пора возвращаться. Пообещав себе навести справки об этой эксцентричной особе, двинулся на ужин в надежде съесть что-то похожее на человеческую пищу.

Захожу в тесную столовую с одним длинным столом ровно посередине. Взгляды бросаются на меня — на человека, подаривший им яркий кульбит в грязь лицом.

Дожидаюсь своей очереди в окно выдачи. Молча Антонина протягивает тарелку. Перловка с тремя кусочками мяса,

по размеру чуть меньшего фаланги моего мизинца, и черный волос прямиком с головы Антонины. Протягиваю назад и заявляю:

— Здесь волос!

У поварахи взгляд с сурового меняется на озлобленный. Забирает тарелку обратно, разглядывает и ловким движением пальца убирает волос с еды, разводит руку в сторону и удивленно заявляет:

— Нет здесь ничего!

Сует тарелку обратно. От такого невольно миришься с происходящим. И есть это надо будет не наморщив морду, а то и этого в следующий раз не получишь, либо получишь порцию со смачным харчком.

Подсаживаюсь к Ване.

— Окреп? — устало бросает он.

— Да, порядок.

Несмотря друг на друга спрашиваю:

— В карты на сигареты полным составом сыграем?

— Можно.

После ужина все члены комнаты яро рубились в карты на сигареты. Перед началом игры, имея три “Максима красного”, своими яркими победами, превратил их в десять, что давало мне возможность выменять их на добрую плитку шоколада или банку сгущенки. Сигареты были для нас местной валютой. Не дав отыгаться остальным зевнув как кот, двинулся спать. Завтра возвращаюсь к работе.

Встав с опухшим лицом и растрепанными волосами, не поднимая ног от пола, шаркаю к умывальнику. Ледяная вода сводит зубы и стягивает кожу до приемлемого вида.

После бодрящей водной процедуры устремляюсь на завтрак. Набив животы манной кашей, хлебом с маслом и сладким чаем, устремляемся на завод по своим рабочим местам.

На предприятии гораздо холодней, чем на улице. Исходящий холод от морозильных камер, бетонные стены и полы, на который льется ледяная вода, делают это помещение гиблым во всех смыслах.

Дружно надев фартуки, перчатки и резиновые сапоги, мы готовы к двенадцати часовому потрошению двух, а то и четырех килограммовых рыбин.

Водители еще в шесть утра привезли в своих грузовиках выловленную моряками рыбу. Спустя всего около пяти минут до меня доходит слух о привозе улова в двадцать две тонны; для нас это значит, что день будет трудным.

Бригадир дает команду запуска завода. Первым к работе приступает мужик с явным синдромом похмелья. Его задача — в ручную на высокой скорости разделять по бункерам горбушу от кеты. Глубоко и учащенно дыша, с трясущимися конечностями, большими усилиями он все же справляется.

Лента двинулась, все остальные включаются в работу: бошки рубятся; икра увесистая вынимается; кишки набитые вырываются; ледяной водой оmyваются и в ровные двенадцати килограммовые брикеты укладываются.

Доходит и до меня очередь вступить в дело. Пришедшие ко мне брикеты укладываю на полки морозильной камеры, в которой они примут свою прямоугольную форму за считанные минуты. Дальше моя задача — выбить уже готовые формы и пустить дальше по ленте. Там ее упакуют в мешки и отправят в камеру хранения.

Работаем как единый механизм, несмотря на всю разность слоев общества собравшихся здесь.

Спустя пару часов перестаешь чувствовать пальцы на ногах, а на руках они становятся похожи на окаменелости. Со стороны это выглядит даже забавно, хотя тут мало есть кому до смеха.

Подходит бригадир, внимательно осматривает меня с ног до головы и наконец-то произносит.

— Матвей, тебя хочет видеть сам Аркадий Борисович. Ждет в своем кабинете административного здания напротив.

— А зачем это? — в недоумении, сводящей от холода челюсти, бормочу в ответ.

— Мне не докладывают, — равнодушно роняет бригадир.

— Надо — значит надо.

Скидываю с себя всю униформу и с небольшим волнением иду по заданному пути.

Подхожу к двери из красного дерева, стучу, вхожу.

— Добрый день, хотели меня видеть?

— Да, хотел. Хочу узнать о твоём состоянии: не хотелось

бы, чтобы кто-то здесь потерял здоровье или жизнь

— Мне гораздо лучше, думаю это было недоразумение, я готов выполнять свою работу дальше.

Он посмотрел на меня и призадумался. Я тем временем увидел телевизор, по которому шел футбол, и все мое внимание переключилось на него — еще бы, я страстный поклонник этой игры, который пропускает текущий чемпионат мира две тысячи шесть, валяясь от переутомления в обмороке лицом в грязь. Слышу уже не знакомый голос:

— А выглядит он вполне здоровым.

Поворачиваю голову в невидимый мною ранее угол кабинета и вижу ту самую эксцентричную особу с берега моря.

Меня в ту же секунду накрывает волнение, я говорю:

— 3-3-здравствуйте.

— Анна, дорогая, думаешь, стоит дать шанс этому молодому человеку продолжить работать на нас? — разбавляет паузу Аркадий Борисович.

“Дорогая?” Вот же черт! Приглядевшись к их безымянным пальцам, замечаю обручальные кольца. Похоже, мой откровенный стояк прошлой встречи на его жену и есть причина, по которой меня сюда вызвали. Мои ладони вспотели, лицо налилось кровью, и я стал цветом спелого помидора.

— Думаю стоит дать возможность проявить себя. Мне кажется, он не подведет, верно, Матвей?

— Да-да, я не подведу, можете быть уверенными.

Меня не покидало ощущение, что мы говорим не о мо-

ем смачном падении, а о чем-то большем, о чем не говорят вслух, о чем-то, что стало похоже на игру, в которую вступили три игрока, преследующие свои цели.

Повисла неловкая пауза, но, похоже, для них это было не так неловко, как для меня. Анна встает со своего кресла и направляется к столу, за которым сидит ее муж. Не смотря на меня, она элегантно проходит по кабинету и опирается своей сочной задницей на край стола, скрещивает ноги, прикрытые длинной юбкой, руки перекрещиваются на груди, делая ее подтянутой и более округлой, вызывая мое восхищение.

Оба смотрят на меня и что-то обдумывают.

— Что ж, если ты уверен в своих силах и у тебя есть желание работать на нас, можешь продолжать. Тебе надо постараться, мы полагаемся на тебя, — взяв слово, произнес Аркадий Борисович. — Можешь идти.

На лице Анны появляется загадочная улыбка.

Я в ту же секунду даю деру из кабинета, уже выжатый от волнения и страха. В то же время еще одно чувство овладевает мной так же сильно — чувство возбуждения. Раз за разом прокручиваю в голове ее сочную задницу, чтобы мой член держался в каменном состоянии. Быстрым шагом, прикрывая рукой пах, держу направление в пустую комнату, чтобы совершить акт онанизма, заменяющий секс с пышнозадой Анной, который мне недоступен по всем этическим соображениям. Воображаемое соитие с этой чудо-женщиной доводит меня до отнимающего силы в ногах оргазма за счи-

танные секунды.

Вернувшись на завод, я почувствовал, что монотонная работа была разбавлена размышлениями о моем предположении: завязавшейся связи между мной, Анной и Аркадием Борисовичем. Разыгрывая в голове сценарии, при которых я так или иначе заглядываю ей под юбку и, избегающего его вмешательства в наше тактильное игрище, не замечаю, как скоро день подходит к концу и бригадир дает команду отмыть предприятие.

Все сотрудники вооружившись поливочными шлангами, мощными струями ледяной воды, педантично вымывают со всех поверхностей лужи крови. Мне досталась дробилка, перемалывающая головешки в труху, которую позже сжигают в печах. Оставив за собой чистое оборудование и помещение, постукивая зубами от холода, каждый расходится кто куда.

Мы с Ваней, взяв нужные принадлежности, направляемся в баню отогреть все, что замерзло.

Поддаем пару и греем кости. Сил на разговоры в эту часть дня не остается, сидим молча. К нам присоединяется мужик, относящийся к касте маргиналов. Уже успев напиться до пьяна дешевой водкой, купленной у местного продавца паленого товара, и получив соответствующее отравление, он под действием невменяемого состояния, начинает свой яркий рассказ о своей никчемной жизни.

— Сука-а-а-а-а. — Мычит, опустив голову и выпустив слюни изо рта. — Жизнь собачья, в рот бы ее... — басит, все

так же пуская слюни. — Ни одна падла меня не ждет, в рот бы всех. Сдохну, и не помянет никто.

Смирившись, подводит краткий итог своего существования, мужик, больше похожего на узника концлагеря: при невысоком росте имеющего уж совсем небольшой вес, килограмм сорок, не больше. Смачно плюет на пол и, совершенно не преследуя мысли помыться, покидает нас.

Меня уже не смущали подобные выступления ему и ему подобных. Это уже было частью Сорки, где собрались самые разные люди с самыми разными судьбами. Поэтому, как ни в чем не бывало, отогрев кости и смыв запах рыбы и пота, двинулся спать.

Утро следующего дня началось совершенно так же, как и прежде. Добравшись до предприятия, все не спеша принялись занимать свои рабочие места.

Вдруг меня окликает бригадир:

— Матвей, ты сегодня работаешь у Аркадия Борисовича. Поедешь к нему домой, тебя там встретят. Его жене Анне требуется помощь в установке гардин. Деньги заплатят те же, что и за день работы на заводе, согласен?

В ту секунду, что прошла между его вопросом и моим согласием, в моей голове пронеслась вся гамма эмоций и мыслей о происходящем. Но точно было одно: я хочу ее снова увидеть, я хочу ее.

У завода меня встречает водитель. На серьезных щах, не обронив ни слова, повез меня к месту назначения.

Путь до их дома занял какое-то время. Я продолжал верить, что между нами тремя возникла симпатия, но было совершенно не понятно, как развивать наши отношения и к чему мы способны прийти.

Не обращая внимание на дорогу, и не замечая ничего вокруг, слышу голос водителя:

— Это здесь.

Смотрю в окно и глазам не верю: такие строения я видел только в экранизации плутовского романа “Барри Линдон”. При просмотре представить не мог, что когда-то воочию, увижу в современной России резиденцию в викторианском стиле.

Дом словно сказочный дворец. Расположенный в густом лесу, он был скрыт от посторонних глаз. Ухоженный сад, изящные арочные окна, высокие мансардные крыши поражали мое скудное воображение.

Выхожу из машины. Волнение дало о себе знать: ноги стали ватные в тот момент, когда уверенность мне совсем бы не помешала.

У ворот меня встречает домработница:

— Следуйте за мной.

Войдя в дом, моему изумлению не было конца. Дорогая роскошная мебель и элементы отделки выполнены из красного дерева, а у стены расположился настоящий камин.

Домработница привела меня к окнам, у которых лежали гардины и инструменты.

— С этим вам надо разобраться сегодня. Хозяина дома нет, а Анна будет немного позже, — дала она короткий инструктаж и ушла.

Я не имел представление о том, когда моя эксцентричная особа придет меня навестить, и делал работу, как можно медленнее. Томительное ожидание закончилось. Слышу навивный, тонкий и игривый голос Анны:

— Добрый день, Матвей.

Оборачиваюсь, изумляюсь вновь: стоит в до неприличия коротком платье, сделанными кудрями и губами ярко-красного цвета от помады.

Судя по ее виду, прогоняю мысль: "Дело в шляпе".

— И вам добрый день, — набравшись уверенности, отвечаю.

После неловкой паузы она берет слово:

— Прошу простить меня и моего мужа за предоставленные нами неудобства. Наши строители давно покинули Сорку, а нанимать местных нам не хочется; от местных мы бы хотели сохранить тайну нашего дома. Ты здесь человек временный и, к тому же, за тобой должок. Сделаешь свою работу хорошо — и мы в расчете, просто вгони пару гвоздей туда, куда мне хочется.

Призадумавшись, закатив глаза, с тонким протяжным мычанием добавляет:

— Э-э-э-э-эм, да, хорошо сказала. Ну пока, красавчик. Скрывается в одну из комнат.

Я возвращаюсь к работе. Берусь то за гардину, то за молоток и сам не понимаю, какова последовательность действий у всего этого процесса. Беспощадный поток мыслей. Тот эпизод на море с моим стояком, не оставшимся в секрете, должен был свести к минимуму наше взаимодействие, но мы становимся все ближе.

Это не чертова случайность, между нами есть симпатия, она меня тоже хочет. Но ее муж, эти обстоятельства... Может, я себе это придумал и все, что происходит до этого момента, — всего лишь стечение случайных событий без той самой интрижки? Я размышлял и размышлял, все так же не соображая, как вбить эту пару гвоздей.

Анна то и дело ходила туда-сюда.

Мне было страшно на нее смотреть: вдруг мой пошлый взгляд вызовет у нее опасение, она выдаст меня своему влиятельному мужу, тот наймет пару местных амбалов, и закончится моя жизнь где-то в гуще тайги, закопанным в паре метров вглубь земли.

Запретный плод сладок, и себя не обманешь — все же поглядываю исподволь в ее сторону. Это скрашивает мое жалкое существование здесь и сейчас. Тем временем я с инструментом в полном разладе, работа не продвигается. Стараюсь собраться, ведь вскоре придется объяснять, почему доверенное мне дело не закончено.

Очередное возвращение Анны. На этот раз она принимается поливать цветы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.